

Анатолий Золотухин

НЕИЗВЕСТНОЕ О ПУШКИНЕ

Вып. 6

А.С. Пушкин и В.И. Даль

Николаев,
2005 г.

ББК 83.3(4Рос)1
З 81

Посвящается 205-летию В.И. Даля!

З 81 **Золотухин А.И. Неизвестное о Пушкине, вып. 6. А.С. Пушкин и В.И. Даль, Николаев, 2005.- 30 с., 17 илл.**

ISBN 966-8592-08-5

Рассмотрены взаимоотношения А.С. Пушкина и В.И. Даля. Представлены доказательства того, что В.И. Даль не писал пасквиля на супругу адмирала А.С. Грейга. Рассмотрен провидческий рисунок Пушкина, связанный с судьбой брата В.И. Даля Карла.

ISBN 966-8592-08-5

© Золотухин А. И., 2005
© Золотухин А. И., макет, 2005

Город Николаев, 1800 г., картина Ф.Я. Алексеева (прямо – здание Гауптвахты, где проходил суд над В.И. Далем, справа – Адмиралтейский собор)

1. Пушкин, Даль и город Николаев

Город Николаев, Пушкин и Даль почти ровесники. 6 июня 1999 г. вся мировая общественность отпраздновала 200-летие со дня рождения А.С. Пушкина, а 7 сентября 1999 года Николаев отметил свое 210-летие. 22 ноября 2001 г. по новому стилю В. И. Далю исполнится 200 лет. В Историю Мировой Культуры XIX века Пушкин и Даль вошли как бы дополняя друг друга. Даль сохранил для будущих поколений старый русский язык, а Пушкин создал новый, современный. И кто знает, может быть именно поэтому волею судьбы Далю было предназначено отпустить душу Пушкина на волю. Как никак их тогда разделяло 2000 км., Даль служил тогда в Оренбурге, но, он почему-то взял отпуск и приехал за 1,5 месяца до дуэли, встретился с поэтом, и собирался было уже уезжать, но, узнав о ранении, пришел к Пушкину и уже, как врач, никуда не отходил от него до последних слов поэта: «Жизнь кончена...».

Все-таки удивительны судьбы людские. С какой необходимостью судьбы свели их в конце жизни поэта на севере, с такой же необходимостью они разводили их в 1820-е годы, здесь на юге. Как известно, в нашем городе В.И. Даль прожил в общей сложности около 20-ти лет, с 19 мая 1805 г. по 15 октября 1824 г., т.е. дольше, чем в других городах. Но самое главное, и об этом свидетельствуют сохранившиеся во многих архивах документы, которые мне довелось держать в руках, именно в Николаеве он родился как личность в

духовном отношении. Именно здесь, Даль положил начало собиранию русских и украинских слов (свое немалое собрание украинских слов и пословиц он передал впоследствии В.М. Лазаревскому для его словаря), сказок, пословиц, загадок и шарад. Именно здесь он начал писать стихи, басни, романсы, прозу и пьесы, наполненные местным диалектом, замешанном на украинизмах. Даль совершенстве владел украинским языком – его перевод повести Квитки-Основьяненко «Солдатский портрет» высоко оценил Белинский, считая его украинцем по происхождению.

Сохранились альбомы семейства Далея, которые нужно рассматривать не иначе, как произведения искусства. Разумеется, все это было не на пустом месте. Отец его служил библиотекарем у Екатерины II, мать, Юлия Христовна, обладала голосом европейской певицы, играла на фортепиано, была прекрасной рукодельницей, бабушка, Мария Фрейтаг, писала пьесы, была переводчицей, все они знали по 3-5 языков, в том числе и древнееврейский. Семья располагала и своей немалой библиотекой. Так что, отношение к книге и слову здесь было более чем уважительное. Детей в основном учили сами, впрочем, приглашали и преподавателей Штурманского училища тоже. Литературным занятиям способствовала и обстановка в городе. Конечно, Николаев не был литературной Меккой, но к тому времени уже было издано немало книг в Адмиралтейской типографии. О поэме С.С. Боброва «Таврида» и «Новом Синописе...» П.М. Захарьина, которые были напечатаны в 1798 году в Николаеве и послужили А.С. Пушкину при создании поэмы «Бахчисарайский фонтан» и трагедии «Борис Годунов», я уже писал. Не будем забывать, что рекрутов для службы в Черноморском флоте набирали из разных мест, так что пытливого юношу окружало звучание разных диалектов русского и украинского языков. Было и небольшое, но все же литературное окружение в городе, в которое входили знакомые Пушкина впоследствии: А.П. Зонтаг, племянница поэта В.А. Жуковского, поэт Е.П. Зайцевский, астроном К. Х. Кнорре, флотские офицеры-украинцы 5-ро братьев Рогулей, итальянец П.И. Скарабелли, А.И. Казарский и др.

Флигель-адъютант, капитан 2-го ранга (в 1823 г. лейтенант) А.И. Казарский, портреты Казарского, выполненные А.С. Пушкиным в октяб. и сентяб. 1823 г.

Исследователи жизни Даля обычно не включали в этот список Александра Ивановича Казарского, но вот в одном из архивов мне посчастливилось найти всего одно его письмо из Портсмута от 8-го ноября 1830 года секретарю русской миссии в Лондоне Д.И. Долгорукому, написанное красивым, ровным почерком, которое характеризует его как литератора (грамматика сохранена): *«Давши слово писать к вам из Портсмута, я более десяти дней не сдержал обещания и это не по произволу,- лишь только прибыв сюда, как привязалась ко мне нежданная гостья и хотя – признаюсь – я не враг женского пола: но эта госпожа в два дни весьма мне наскутила и так изнурила, что я до бесконечности был рад от ея отделившись и теперь едва только поправился.– Но вы, любезнейший князь быть может подумаете, что ваши покорный слуга, сделавшись из солдата сентиментальным путешественником, для приключений подцепил какую нибудь Леди (разумеется невысокого целомудрия), которая утомила его ласками... Боже упаси! Я не в числе тех вояжеров, которые рыщут по свету, чтоб наполнить записные книжки замечаниями где и как умеют ладить, – а в Альбомы вклеивать портреты снисходительных красавиц и тем выдавать их за примерных Клеопатр, нет, я им не подражатель и чтоб разрушить ваше сомнение, быть может, родившееся от не связного моего рассказа – пожалуюсь, что у меня была лихорадка (простуда – А.З.).*

Предположение мое прожить в Портсмуте более месяца должно измениться потому, что Лондонское Адмиралтейство позволило мне обойтись gossipу (праздно, с английского – А.З.), то есть побыть в мастерских только один день, а посещать всегда, как-бы мне захотелось. Для Портсмута я доволен и с тем – потому что здесь уже не впервые раз: но как должно думать, что и для Плимута мне нет снисходительнейшего разрешения для обозрения порта: то я буду весьма жалеть и быть может найдусь в необходимости просить чрез посольство вторичного разрешения. - В пятницу морским путем продолжаю мой вояж и это для того, чтоб не раззнакомиться с старим приятелем – морем, и если вам угодно порадовать меня вестями прошу адресовать в Плимут – Лондон теперь богат на новости и если верить всему печатному и говоренному, то и для вас не совсем покойно :- не думаю, чтоб всему можно было верить, я полагаю – не возможным однакож, чтоб вы были теперь без занятий дипломатических, а следовательно и времени для себя имеете – не много; если же досуг вам позволит – уведоьте не приехал ли князь Ливин и нет ли чего из России; – а я из Плимута не промину бить вам челом – грамотою.

Простите шутками в письме и будьте уверены в истинном моем почтении и совершенной преданности, которые я не престану поддерживать воспоминаниями приятных бесед, где вы заставляли нас забывать, что мы не в России, и где я за вашими мыслями и поэзией волочился как за любовницей.

Покорнейший слуга Александр Казарский.»

Переписка, собранная мной в разных архивах, свидетельствует о напряженной литературной работе всех без исключения из окружения Даля. В автобиографической повести «Мичман Поцелуев», описывая это время в Николаеве, Даль писал о том, как после очередного свидания мог *«... просидеть ночь*

напролет над самодарным творением своим, излить все чувства свои в каком-нибудь подражании Нелединскому-Мелецкому, Мерзлякову, Дмитриеву, даже Карамзину, которого стихотворения, новостью языка своего, тогда еще невольно поражали и восхищали. Пушкина еще не было; я думаю, что он бы свел с ума нашего героя». Но, главный итог этих поисков состоял в том, что мне удалось установить имя человека - это был Федор Иванович Петров - который как никто другой привил В.И. Далю любовь к слову, поговоркам и разговорному обороту. И здесь впервые я расскажу об этом неизвестном факте подробнее.

19 мая 1805 года (даты по старому стилю) семья В.И. Даля (мать, отец, бабушка, дочери Александра, Паулина и сыновья Владимир и Карл, здесь потом родились еще два сына: Лев и Павел) приехала из Луганска в Николаев. Его отец, Иван Матвеевич, служил здесь Главным доктором Черноморского флота и портов, здесь же умер 5 октября 1821 года на 57-м году жизни, оставив 46-летнюю вдову и 6-х детей, и здесь же похоронен (могила не сохранилась). Несомненно, во время учебы в Петербурге в Морском кадетском корпусе с 1815 по 1819 годы В.И. Даль слышал о Пушкине, как о молодом и талантливом поэте. Хотя в раешном стихе, «Дивные похождения, чудные приключения и разные ума явления русского мирянина, немецкого христианина Даля Иваныча», написанного в день 55-летия, Даль писал об этом времени куда более мрачно:

*«Как Даля Иваныча в мундир нарядили,
к тесаку прицепили, бараном будили, толоком кормили.*

*Книг накупили, тетрадей настелили,
ничему не учили, да по субботам били.*

Вышел молодец на свой образец.

Вот и говорит: в молодые лета дали еполеты.

Поглядел кругом упрямо, да и пошел прямо.

Иду я пойду. Куда-нибудь да дойду»

В марте 1819 года Даль возвращается в Николаев в мичманском звании для продолжения службы в Черноморском флоте. В 1820 году плавает на фрегате «Флора», вместе со своим братом, тоже мичманом, Карлом Далем 2-м, а также с морской артиллерии констапелем (прапорщик, по словарю Даля) Ф.И. Петровым и ведет дневник, мне удалось его разыскать. Пушкина в это время ссылают на Юг. Семейство, прославленного в Войне 1812 года генерала Н.Н. Раевского, забирает его из Екатеринослава (ныне г. Днепропетровск) с собой для путешествия по Кавказу и Крыму. Из Феодосии в Гурзуф они плыли на военном бриге «Мингрелия». В.И. Даль, плавая на фрегате «Флора» в составе эскадры Черноморского флота у берегов Крыма, в августе 1820 года записывает: «14-го числа... Мы теперь находимся в виду Южного Крымского берега в расстоянии 10 миль, а вчера подходили на самое близкое расстояние, не далее 2-х миль. 17-го числа. Вчера прибыли ко флоту бриг «Мингрелия», новый бриг «Ганимед» и тендер «Дионисий». «Мингрелия» тотчас отправилась в Николаев, тендер также ушел... 21 числа. Все еще тоже! Штилевали опять 3 дня против мыса Фиолент».

Так что, пока Пушкин отдыхал в Гурзуфе с семьей Раевских, В.И. Даль вместе с флотом маячил у него на глазах в море, о чем поэт писал тоже. 7 сентября «Флора» бросила якорь в бухте Глубокой и Даль очевидно уже дома сделал последнюю запись в дневнике: *«8-го числа. Вчера ввечеру, наняв подводы, отправились благополучно в путь. Сегодня часу в девятом приехали (очевидно с Карлом и Ф.И. Петровым – А. З.) домой – кто был некогда в разлуке с милыми и был так счастлив вкусить опять благополучное свидание – тот знает ее очарование, тот только может судить о нашей радости!»*. Этими же днями, 9-го или 10 сентября 1820 года Пушкин впервые посещает Николаев проездом, на пути из Симферополя, через Одессу, в Кишинев. Поэт в это время болел лихорадкой (простудой), о наличии в Николаеве знакомых еще не подозревал, точнее их у него еще здесь не было (кроме моряков брига «Мингрелия»), переночевав на Почтовой станции, отправился в Одессу. Второй и третий раз Пушкин посещал наш город проездом из Каменки (поэт гостил там в имении Давыдовых) в Херсон, а затем из Херсона в Одессу и Кишинев, в начале марта 1821 года. И в этот раз В.И. Даль находился в Николаеве где-то рядом с Пушкиным, но и здесь их судьба не свела, хотя они могли встретиться в Дворянском собрании, ныне Дом офицеров флота на ул. Артиллерийской, от которого берет свое начало ул. Адмиральская. В Николаеве А.П. Зонтаг еще не было.

Четвертый раз их встреча могла состояться осенью в Одессе в 1823 году, куда Пушкин переехал из Кишинева в середине июля месяца после хлопот его друзей. В этот сезон Владимир и Карл Дали, трое братьев Рогули вместе с поэтом-моряком Е.П. Зайцевским и астрономом К.Х. Кнорре плавали на бриге «Мингрелия», на том самом, на котором Пушкин переезжал из Феодосии в Гурзуф. 29 апреля бригу разрешили выход для описания берегов Черного моря. Перед этим А.С. Грейг обсуждал с К.Х. Кнорре как лучше вести астрономические съемки. Мне удалось установить даты захода этого брига в Одесский порт. Пушкин, как писали современники, пропадал на кораблях. Можно представить как радовался поэт этой новой встрече с «Мингрелией», на которой 3 года назад, переживая может быть самые сильные любовные чувства от близкой встречи с С.С. Потоцкой, написал свою элегию «Погасло дневное светило». Бывают все-таки странные сближения. И на этот раз именно в это же время, утаенная любовь поэта, Софья Потоцкая (см. мою статью об этом в газете «Вечерний Николаев» 11.06.1998 г.) прибыла в Одессу, но уже с мужем. О событиях, которые помешали встрече, в том же раешном стихе Даль писал так:

*«Как Даль Иваныч на черноморских кораблях служил
по морю океану ходил, знал разные снасти и испытал всякие напасти,
питался смоленным канатом да последней рубахой делился с братом.
Его все любили да чуть в помойной яме не утопили.
Он покинул Черное море и стал зализывать свое горе»*

О том, как В.И. Даля пытались «утопить в помойной яме» следующий рассказ.

2. Дело о 28 флотского экипажа мичмане Дале 1-м.

Дом В.И. Даля, в котором у него нашли два пасквиля (ул. Потемкинская, 115)

В начале мая 1823 года в городе Николаеве получил распространение пасквиль на гражданскую супругу Командира Черноморского флота и портов, тогда вице-адмирала А.С. Грейга, Юлию Михайловну. Даля в это время в городе не было. В начале нынешнего века Николай Лернер записал следующий рассказ, слышанный от одного из старожил г. Николаева: «Сперва на Даля, как на «сочинителя», пало только подозрение. Так как оно ничем не подкреплялось, то тогдашний полицмейстер Федоров (впоследствии Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор) придумал устроить у него обыск. Но явиться прямо с обыском к офицеру было дело невозможное. Федоров придумал хитрость. С целою ватагою чиновников, с различными инструментами, явились они к дому, где жили Даль и его матушка (*мне удалось установить, что дом сохранился и находился по ул. Потёмкинская 115, рядом с Касперовским собором – А.З.*); компания расставила свои приборы, принялась измерять тротуар верёвкою и проделывать разные странные махинации. Самого Даля дома не было (нечего и говорить, что время его отсутствия из дому было выбрано нарочно), а была только его мать. Увидев Федорова с его спутниками, любопытная женщина отворила окно и стала внимательно смотреть на происходящее. Чиновники делали своё дело как ни в чём не бывало, с самым серьёзным видом. Вдруг Фёдоров озабоченно принялся шарить у себя в

карманах, будто что-то ища, и, наконец, словно не найдя, обратился к матери Даля с просьбой дать ему лист бумаги: свою, дескать, забыл дома, а тут дело важное и спешное. Госпожа Даль не только предложила ему бумаги, но попросила без стеснений войти в кабинет сына и там написать что нужно. Федорову этого только и хотелось. Попав в кабинет Даля, он быстро и ловко нашел в его бумагах черновик сатирического стихотворения».

3 мая 1823 года Грейг отдал приказ во время захода брига «Мингрия» в Севастополь арестовать и доставить в Николаев В.И. Даля, которого обвиняли в написании пасквиля. 7 мая он предстал перед военным судом. Внешние обстоятельства этого дела были известны всем и тогда и сегодня. Что касается внутренних, то они и нынче остаются невыясненной до конца тайной. Изучив множество архивных материалов, в том числе и «Дело 28 флотского экипажа о мичмане Дале 1-м, сужденном в сочинении пасквилей. Начато 3-го Мая 1823, окончено 18-го Марта 1824 года. Аудиторского Департамента папка 285-я.», решаюсь предложить здесь свою версию внутренних причин этого дела.

Сразу же оговорюсь, что я не собираюсь отнимать заслуг А.С. Грейга перед городом Николаевом и Черноморским флотом, которые у него безусловно были и останутся навечно в истории, какие бы идеологии и пристрастия нас не одолевали. Попробуем посмотреть на события тех лет, исходя из морали и этики того времени, которое довольно точно называют эпохой чести. Не будем забывать, что в то время вопросы чести дворяне защищали не в суде, а на дуэли. И только высший по чину дворянин мог вызвать низшего на дуэль. На вызов низшего чина высший мог ответить отказом без каких либо моральных последствий для себя.

Вице-адмирал А.С. Грейг

Ю.М. Грейг

Да, Грейг, действительно защищал женщину, которую безусловно любил. Вот, например, что писал он жене из Царского Села 19 октября 1833 года после встречи с царем и о его переводе в Петербург (грамматика оригинала): «...Я узнал, что Калиостро едва узнал, что я здал команду как сел в карету и полетел в Николаев – и одно мне только неприятно – это есть опасение, что он тебе

будет беспокоить или лучше сказать, что ты сама будешь беспокоиться – я узнал, что экстра почта идет сего дни через час – и потому спешу послать тебе эти строчки дабы успокоить тебя нацет моего прибытия и приема – Цалую тебя и детей наших. Твой навсегда». Но, как выясняется, и В.И. Даль на суде защищал не столько себя, сколько своих друзей.

Дом Юлии Грейг, на углу ул.Декабристов и Адм. Макарова, справа дом Рагулей

Фабула конфликта достаточно точно изложена злоязычником Ф.Ф. Вигелем. В своих «Записках» он рассказывает о Николаевском обществе 1828 года, о встрече и посещении А.С. Грейга, о знакомстве с его супругой Юлией Михайловной. Приведу некоторые выдержки из них, сглаживая его антисемитский тон и указания на то, что Грейг якобы прятал Юлию от общества, которые уверенно опровергаются многими документами: «В Новороссийском краю все знали, что у Грейга есть любовница и что мало-помалу, одна за другой все жены служащих в Черноморском флоте начали к ней ездить как бы к законной супруге адмирала... Так же как Потоцкая, была она сначала служанкой в еврейской корчме под именем Лии, или под простым названием Лейки. Она была красива, ловка и умением нравиться наживала деньги. Когда прелести стали удаляться и доставляемые ими доходы уменьшаться, имела она порядочный капитал, с которым и нашла себе жениха, прежних польских войск капитана Кульчинского (здесь ошибка – Сталинского – А.З.). Надо было переменить веру; с принятием Святого крещения к прежнему имени Лия прибавила она только литеру «Ю» и сделалась Юлией Михайловной. Через несколько времени, следуя польскому обычаю, она развелась с ним и под предлогом продажи какого-то строевого корабельного леса приехала в Николаев. Ни с кем кроме главного начальника не хотела она иметь дела, добилась до свидания с ним, потом до другого и до третьего. Как все люди с чрезмерным самолюбием, которые страшатся неудач в любовных делах, Грейг был ужасно застенчив; она на две трети сократила ему путь к успеху. Ей отменно хотелось высказать свое торжество; из угождения гордому адмиралу,

который стыдился своей слабости, жила она сначала уединенно (дом сохранился, находится прямо против Католического собора на углу нечетных сторон ул.ул. Декабристов и Адм. Макарова – А.З.) и ради скуки принимала у себя мелких чиновниц; но скоро весь город или, лучше сказать, весь флот пожелал с нею познакомиться. Она мастерски вела свое дело, не давала чувств оков ею наложенных и осторожно шла к цели своей, законному браку».

Нужно заметить, что, в это время В.И. Даль плавая на «Флоре» летом 1820 года, их фрегат посетил А.С. Грейг и в дневнике он оставил уважительную запись о вице-адмирале. 5 октября 1821 года умер отец Даля. Этому предшествовал конфликт его с Грейгом. Оба они имели достаточно «крутые», как мы сегодня говорим, характеры. Возможно, что с этого момента внутренне отношение к адмиралу в семье Даля и переменялось, но свидетельств этому найти не удалось. Другое дело флотское окружение Даля, оно, безусловно, уважало командира и потому осуждало выбор Грейга. Вот, например, что один из его друзей, П.И. Скарабелли, писал В.И. Далю 24 июля 1822 года из Одессы с бранд-вахтенного корвета «Шагин-Гирей», где он служил вместе с Е.П. Зайцевским и Ф.И. Петровым: *«...Здесь разнеслась весть о несчастье, встретившемся с Адмиралом (имеется ввиду весть о венчании Грейга и Юлии на корабле капелланом католической церкви – А.З.), я слышал, намерен ехать в Петербург со Лией(?-неразборчиво), прежде нежели пожелаю им счастливого пути, я надеюсь известить тебя от тебя, когда это будет. Ах, наши! Виноват!.. Сколько раз выпадало перо из моих рук! Писать на языке, на котором я не умею, написать сносно, знаешь, всегда казалось мне труднейшим предприятием... Твой Павел Скарабелли. P.S. Ты хорошо сделаешь, если разорвешь это письмо, оно ни куда не годится».* Ясно, что, посылая это письмо, он боялся перлюстрации или его вскрытия и еще следует обратить внимание на то, как они между собой называли Грейга – «Наш». Все же простого недовольства было явно недостаточно, чтобы появился пасквиль. Очевидно, должен был произойти какой-то конфликт с непосредственным участием Юлии, Мараки, от имени которого он был написан, и кого-то из друзей В.И. Даля. Но, кого именно и что могло быть поводом конфликта?

Существует, правда, версия, что В.И. Даль влюбился в Юлию Грейг и, поскольку она якобы отвергла его притязания, он написал этот пасквиль. Но, эта версия не выдерживает критики по многим моментам. Во-первых, тот же Скарабелли никогда бы не написал Далю такого письма с осуждением, зная о его увлечении. Во-вторых, Даль, не стал бы идти против мнения друзей в своих чувствах. В-третьих, Е.П. Зайцевский в письме из Одессы 15 сентября 1822 года к Далю прямо назвал имя его возлюбленной: *«Разделяю с тобою твои радости, желаю, чтобы она была более продолжительна и – менее мечтательной... Боюсь только, чтобы плутовские глазки Лизы не завели тебя далее туда, где ты опомнившись, оглянувшись, может быть... посмеешься на счет своего простосердечия».* В автобиографической повести «Мичман Поцелуев» Даль описал Николаев и прямо назвал имена двух дочерей, Нади и Наташи, капитана над портом, под которым он имел ввиду вице-адмирала Николая Львовича

Языкова (не путать с контр-адмиралом В.И. Языковым, который тоже в это время служил в Николаеве!), сдавшего в 1816 году должность Главного командира вице-адмиралу Грейгу. Так что, это было второе лицо в городе по важности, после Грейга.

Мне удалось установить, что, у Языкова, кроме Нади и Наташи, было еще две дочери: Лиза, которая была на 2 года старше Владимира Даля, и Мария, младше его на 4 года. Судя по портрету Н.Л. Языкова, дочери его, вероятно, были очень красивыми. Таким образом, описывая в повести старших дочерей Языкова, Даль на самом деле имел ввиду младших – Елизавету и Марию.

В.И. Даль

Вице-адмирал Н.Л. Языков

Судя по письмам и стихам Даля любовь его к Лизе была неразделенной. Мне удалось найти Русскую балладу и Романс (с нотной записью), написанные им в 1822 и 1824 годах в Николаеве, посвященные Елизавете Языковой, а также стихотворение с упоминанием имени Мария (очевидно Марии Языковой). В 1825 году Даль начал писать «Роман в письмах» – рассуждения о жизни и смерти, о любви в поэзии, о Гениях, к сожалению, он так и остался неопубликованным. Вот что он там писал о своей любви:

«Я был у нее, друг мой! Нарушил обет свой – поутру дал себе честное слово не ходить сегодня, а ввечеру... Но целый день не видеться, целый летний день – это ужасно – это невозможно своевольно отречься – это требует сил сверхъестественных!.. Ах, друг мой, какой я сегодня встретил взор, когда упомянул о неизбежном походе нашем от этих глаз... Душа моя полна одною мыслью... все бытие мое принадлежит Марии – на веки! На веки! Я первый раз произношу слово сих таинственных пределов для любви: кто любит, тот любит вечно!».

Но, вернемся к источнику конфликта и воспроизведем в оригинальном изложении и синтаксисе архивный текст пасквилей в том виде, в каком они хранятся в упомянутом Деле о мичмане Дале 1-м. (грамматика сохранена):

Съ дозвольнія Началства
Профессор Мараки симъ объявляетъ,
Что онъ безподобный содержит трактиръ;

При чем всепокорнейше напоминает
Он, зброду носящему флотский Мундирь
Что теща его есть давно уж подруга
той польки, что годика три назадъ
Приѣхала взявши какойто подряд;
Зачем онъ советует жителям Буга
Как можно по чаще его навещать,
Иначе, (онъ всемъ что есть свято клянется)
Подрядчица скоро до всех доберѣтся!
= *Профессоры Руски Язики А. Мараки.*

Антикритика - Безъ дозволенія начальства

- 1). Дуракъ, как Марака надъ забавлялся-
Марая Мараку, он сам замарался;
На Всех как Мараки пасквили писать
Ума хоть и станет, бумаги не стать;
- 2). Та полька – не полька, а лейка жидовка,
(сатирик в герольдіи знать не служиль;)
Сестра ее, мать – такіе торговки,
подрядами ставят что Богъ подариль;
- 3). Въ каком-то местечке меня уверяли
что лейку прогнали и – высекли там –
Я право не верю! из зависти лгали
Нашъ – битаго мяса не любит и самъ!
Благочинный Стефанъ Уркович

Как видим, оба пасквиля подписаны. Первый – реальным именем губернского секретаря, преподавателя итальянского языка Штурманского училища Александра Мараки, а второй – вымышленным. Заметим, что во 2-м пасквили присутствует слово «Нашъ», упомянутое в письме Скарабелли, имевшее в виду Грейга. Накануне, точнее 17 апреля 1823 года, Грейг писал Мараки: «Отдавая должную справедливость и похвалу желанію и усердію Вашим сделать себя еще более полезным ученикам Черноморского Штурманского училища к изучению их Итальянскому языку, и с одной стороны, одобряя представленное Вами ныне краткое историческое начертание о происхождении итальянского языка и литературы, я с другой не полагаю чтоб сие начертание могло соответствовать понятиям учеников весьма юных лет, а по мнению моему весьма достаточна была бы для них краткая итальянская грамматика или лучше букварь, и как по объяснению Вашему присоединен к тому будет еще и Итальянский и Российский словари, от чего все сие сочинение весьма делается обширным, то да и по значительным издержкам на то сочинение потребным нет никакой возможности оно напечатать на счет казны, почему и препровождается при сем к Вам обратно помянутое описание о происхождении Итальянского языка». Возможно, отказ этот был вежливым из-за протекции Юлии. Здесь нужно отметить, что отец друга Даля, Иосиф Павлович Скарабелли, согласно

послужного списка, служил также в Штурманском училище, происходил «из дворян Римской нации католического исповедания и закона», т.е. тоже был итальянцем, как и Мараки. Скарабеллевы лавки отмечены на планах Николаева того времени, часть их сохранилась до сегодняшнего времени и находится посредине квартала нечетной стороны ул. Потемкинской между улицами Инженерной и Гражданской.

Скарабеллевы лавки в Николаеве (ул. Потемкинская, 95)

Судя по всему произошел какой-то конфликт между Скарабелли, Мараки и Юлией Грейг – то ли по поводу написания истории итальянского языка и литературы, то ли на почве каких-то торговых дел. Во всяком случае, мне представляется, что именно Павел Иосифович Скарабелли на почве этого конфликта написал 1-й пасквиль «С дозволения начальства», об этом говорит анализ стиля в сопоставлении с содержанием его нескольких писем и грамматика написания (хотя и нельзя сбрасывать со счетов, что могла еще и пародироваться манера русского стиля изложения самого Мараки, не зря же он при этом иронически назван профессором русского языка). Совершенно очевидно, что Скарабелли, не показав своим друзьям пасквиль, стал его распространять. Все время, пока велось следствие над В.И. Далем в 1823 году, П.И. Скарабелли находился в Николаеве, ибо служил в это время на брандвахте (военное сторожевое судно перед гаванью – из Толкового словаря В.И. Даля) в нашем порту. Содержание 2-го пасквиля, само Дело и показания Даля на суде говорят о том, что друзья Даля и сам В.И. Даль, по-видимому, не знали, что именно Скарабелли написал этот пасквиль – иначе зачем было, например, одному из братьев Рогулей, самых близких Далю друзей, снимать пасквиль и нести его в полицию, а во 2-м пасквили своего друга называть дураком, прошу не забывать, что это были дворяне. Все остальные друзья Даля были в отъезде, за исключением А.П. Зонтаг, но и та была не в лучшем состоянии духа после смерти своей первой дочери в Николаеве и ожидании близких родов второй, что видно из ее писем к Жуковскому. Впрочем, хотя в Деле Даля это не отмечено, но из дел Адмиралтейства удалось выяснить, что моряки, братья-украинцы, Рогуля 3-й был арестован на месяц, а Рогули 2-й и 4-й «за болезнь» тоже оказались на берегу (они вместе с братьями Далеями плавали на бриге «Мингрелия»), а Рогуля-1-й даже уволился – по-видимому их тоже допрашивали.

Возможно именно после того, как на П.И. Скарабелли пало подозрение по поводу написания им пасквиля, 4 февраля 1824 года, он по болезни уволился из флота – так написано в его послужном списке. На самом деле из города он уехал раньше, не дожидаясь приговора Дально. Очевидно, он вполне осознавал свою вину перед Далем. В делах Адмиралтейства удалось разыскать запись: «1823 года Сентября 7. Хозяйственной экспедиции. Вследствии представления Экспедиции 42 флотского Экипажа лейтенанта Скарабелли увольняется для собственной надобности Курской губернии в город Новой Оскол сроком на 4 месяца, на свободное его следование пашпорт при сем прилагается». При этом в переписке окружения Далья звучало сочувственное упоминание его имени с каким-то напряженным подтекстом. Вот, например, что А.П. Зонтаг писала В.И. Дально, так же покинувшему Николаев после конфликта с Грейгом, 3 апреля 1825 года: *«Вы конечно уже знаете, что Скарабелли здесь; он сказывал мне, что писал к Вам, следовательно уведомил Вас и о планах своих для будущего. Мне очень весело его увидеть, но с прискорбием думаю, что вряд ли ему удастся поправить свои обстоятельства в Николаеве»*. И, тем не менее, если судить по послужному списку, его все же простили (очевидно из-за отсутствия открытого его протеста, в противоположность тому, какое имело место со стороны В.И. Далья), он снова был принят на флотскую службу 1 января 1826 года, дослужился до чина полковника и уволился в 1832 году, в возрасте 36 лет, т. е. ходу ему по службе все же не дали. К тому же, он со своим горячим итальянским темпераментом имел еще в послужном списке и такую запись: «Был под следствием по жалобам атамана и десятского села Равенков по окончании которого сделан был от Господина Морского Министра строгий выговор, отдан приказ 9 ноября 1821 года».

Таким образом, Грейгу к моменту написания своего мнения было уже ясно, что 1-й пасквиль написал не В. Даль, так почему же он не изменил своего мнения? Очевидно, вся эта история с пасквилом послужила ему поводом рассчитаться с семейством Далеи за конфликт, произошедший с их отцом – Главным доктором Черноморского флота. Так что, остается еще не известным своей ли смертью умер отец В. Далья в Николаеве? Не случайно А.С. Пушкин, ознакомившийся со всей этой историей за 4,5 года до события, пророчески предсказал, что К. Далья уничтожат в Николаеве в отместку за брата (на одном из своих рисунков, выполненных осенью 1823 г. он нарисовал топор возле Карла Далья и Александра Казарского, и оба впоследствии погибли в Николаеве).

Теперь, что касается содержания 2-го пасквиля, написание которого приписывают В.И. Дально. То, что его нашли у него на квартире и даже то, что Даль на следствии согласился с тем, что именно он его написал, не доказывает его вины, ибо он мог взять эту вину на себя добровольно, защищая товарища. Невозможно себе представить, чтобы в эпоху чести дворянин, для которого честь была превыше собственной жизни, а В.И. Даль именно к этим людям и относился (он доказал это всей своей жизнью!), мог бы признаться в том, что это не он написал, а его товарищ. А если представить себе, что этим товарищем был человек низшего сословия, совершенно неспособный защитить себя перед

Грейгом, то и подавно это было бы предательством, пострашнее суда, которое, прежде всего, он сам бы себе никогда не простил. Так что, ему ничего не оставалось как взять всю вину на себя. К тому же, Даль изначально чувствовал уже себя оскорбленным, во-первых, незаконным обыском без понятых и разрешения, во-вторых, предвзятым отношением к нему на суде, в-третьих, он не считал изъятый у него дома документ пасквилом, поскольку он не был распространен и, в-четвертых, ему так и не был предъявлен истец или как тогда говорили челобитчик. Именно поэтому он считал свое дело изначально и до конца жизни правым. Нужно сказать, что упомянутое выше судебное дело служит наглядной иллюстрацией того, что Даль (впоследствии автор знаменитого «Толкового словаря живого великорусского языка»), защитил себя без адвоката на основе последовательного толкования слов закона.

Что же касается антисемитизма пасквиля, на который мы сегодня смотрим, как на одно из самых омерзительных явлений, то следует заметить, что в то время в светском обществе антисемитизм носил чуть ли не повсеместный характер и был возведен даже в ранг государственной политики. Г.Н. Ге в «Историческом очерке столетнего существования города Николаева...» писал: «Затем в силу указа 20 ноября 1829 г. началось выселение из Николаева евреев, которых здесь с самого основания города было много в среде ремесленников и торговцев... Распоряжение о выселении евреев произвело для прочих купцов и ремесленников сильную перемену обстоятельств. Цены на дома упали, на квартиры тоже. Домостроительство остановилось... цены на товары стали подыматься. Дошло даже до стачек. Губернатору Грейгу пришлось ходатайствовать о продлении срока, назначенного для выселения евреев, на что и последовало Высочайшее соизволение...». И в заключение замечу, что во всем творчестве и переписке В.И. Даля, опубликованной и неопубликованной мне не встретилось даже намек на антисемитизм, напротив есть свидетельства в пользу того, что в его семье знали древнееврейский язык, имелись книги на этом языке, и это еще один аргумент в пользу того, что ни один из пасквиля не имеет отношения к нему.

Чем же собственно закончился суд? Упомянутое Дело показывает, что с самого начала судопроизводство зашло в тупик и после повторения вопросов и ответов Комиссия военного суда обратилась к Грейгу о необходимости «изыскания других средств к улике Даля», на что Вице-адмирал в письме от 21 августа 1823 года уведомил Комиссию, что признаний Даля де-мол достаточно для его наказания. Тогда начались поиски статей для обвинения из Воинского Устава, Указов 1683 и 1775 года, а также Жалованной Дворянству грамоты. 13 сентября был вынесен приговор суда: *«... лишить чина и написать в Матрозы на шесть месяцев... отослать для надлежащего распоряжения о содержании к Господину Контр-Адмиралу флота в Николаеве начальнику Языкову. В прочем передать на власть и благоразсмотрение Главного Начальства. Подписали: Ассессор Артиллерии Унтер Лейтенант Лунин 2, Ассессоры флота лейтенанты: Аркас, Гамалеи, Штицберген, Ассессор Артиллерии Капитан Лейтенант Леонтьев, Презус флота Капитан 2 ранга Алексеев и Аудитор Зидигурский, а при*

особенном мнении Ассессор Констанпель Карасев». 15 сентября Карасев сформулировал для комиссии свое Мнение (беспрецедентный случай для того времени, чтобы подчиненный столь низкого ранга выступил против Вице-адмирала!): «... так как подсудимый в сочинении пасквиля не признался и верного доказательства к тому не открыто кроме замеченного сходства чернил и бумаги и рук, в чем можно иметь на него одно только подозрение, а при том в той пасквили происшедшей как думать можно шалости от молодых лет и никакой страсти и зла не видно. Однако все сие согласно воинского 14-го Артикула со всем толкованием наказать его мичмана Даля арестом на шесть месяцев». Очевидно 13 сентября Далья ознакомили с решением суда и потребовали дать расписку о том, что «... никаких пристрастных распросов чинимо не было». На что рукою В.И. Далья рядом написано: «Расписки сей дать не могу, ибо запросы были чинимы весьма пристрастно, и все дело с самого начала, было разматриваемо с одной только стороны, почему оскорбленная честь моя требует, чтобы я всеми способами искал свои права, и в свое время буду просить на Высочайшее».

23 сентября свое Мнение написал Грейг: «... хотя он Даль в сочинении и приклеении по разным местам города листов заключающих пасквиль с 19 на 20-е Апреля не признается, но в сем отличился тем, что отыскан у него на квартире на нескольких листах пасквиль написанный им притворною рукою совершенного сходства по почерку, чернилам, бумаге и самому содержанию намерения к обруганию помеченных в оных лиц, в приготовлении коего таким образом к подобному как и первый опубликованию, отрицание его не заслуживает ни малейшего вероятия, поелику есть ли бы последний, как изъясняет он, написан был для показания только своим приятелям яко бы им найденными и потом уничтожены, то таковое желание свое мог бы удовлетворить одним экземпляром, а не несколькими экземплярами, да и показывание сие другим, есть также публикация иным против первого способом; при каковых явных уликах одно притворство удерживает его Даля от собственного признания в прописанных поступках, в коих по таковому упорству и употребленным им в ответах не приличных выражениям, на счет Полицмейстера, долженствующаго иметь попечение о благосостоянии города, равна и на счет Комиссии военного суда, показывающим только дух своевольтва и не повиновения, я не признаю его заслуживающим уважения, и потому в примере прочим согласно с приговором Комиссии военного суда мнением моим полагаю: подсудимаго Мичмана Даля разжаловать в матрозы на шесть месяцев». Конечно, Даль, «...показывающий только дух своевольтва и неповиновения...», за одно это уже «заслужил» такое жестокое наказание, как разжалование в матросы... Свое аналогичное мнение на 6-ти листах приложил и Контр-адмирал В.И. Языков. 9 октября 1823 года В.И. Даль написал и через Начальника Штаба Его Императорского Величества (Е.И.В.) на Высочайшее Александру Павловичу Прошение, в котором, в 3-х пунктах, ссылаясь на нарушения действующего тогда законодательства, по всем позициям опроверг предъявленное обвинение, в том числе и

мнение Грейга, отметив в заключение, что он «... без всякой вины осужден на лишение чести» и просил «...о сем моем прошении решение учинить».

Я намеренно подробно цитирую мнение Грейга, ибо оно говорит само за себя, и не цитирую прошение Даля. Из Дела видно, что Аудиторский Департамент Морского Министерства не нашел сходства в почерках пасквилей и Прошения Даля, как о том писал Грейг, после проведения нескольких экспертиз (документы от декабря 1823 – февраля 1824 года). Из дневника матери Даля мне удалось установить, что в конце 1823 года она ездила к командующему 2-й армии П.Х. Витгенштейну за помощью. В воспоминаниях дочери Даля написано, что в этом деле помогал и Ф.Ф. Белинстаузен, что мало вероятно. Поскольку в то время он был капитан-командором и находился в непосредственном подчинении Грейга. Как бы там ни было, но 21 апреля 1824 года В.И. Даль был не только освобожден из-под стражи, но и получил очередное повышение – чин лейтенанта. Это была публичная пощечина Грейгу и оставаться в Николаеве Далю и его семье уже было нельзя.

7 сентября 1824 года начальник Морского Штаба Е.И.В. распорядился о переводе Владимира Даля 1-го из 28-го экипажа Черноморского в 5-й экипаж Балтийского флота. 15 октября Даль вместе с Е.В. Зонтагом выехали из Николаева, а 1 марта 1825 года город покинула его мать с братом Павлом. В Николаеве оставался только Карл, который работал в обсерватории вместе с К.Х. Кнорре. Перед отъездом они разработали с братом тайнопись для преодоления перлюстрации писем. Мне удалось расшифровать ее и выяснить, что переписывались они на немецком языке, причем сами по себе письма не содержали каких либо тайн. Но, одно это уже должно было бесить полицию и власти. Астроном Г. Горель (статья «Звезды и слова» в газете «Южная правда» от 4.10.1972 г.) писал, что К.И. Даль был одним из первых жителей и наблюдателей на новой обсерватории, постройка которой окончилась в 1827 году». Геннадий Горель рассказывал мне, что еще за день до смерти К.И. Даля 5 апреля 1828 года он сделал запись в журналах наблюдений. В дневнике матери Даля отмечено, что Карла отравили в Николаеве.

Кто же все-таки написал 2-й пасквиль? Мне представляется, что это сделал Ассессор Артиллерии, унтер-лейтенант Федор Иванович Петров, который и отдал его В.И. Далю для передачи еще Е. Зайцевскому и К.И. Далю вот почему их было 3 экземпляра. И, тем не менее, Даль их почему-то не взял с собой на бриг «Мингрелия». Очевидно, он понимал, что присутствие пасквиля на бриге было бы равносильно его распространению. Прямым доказательством того, что этот пасквиль написал артиллерист Ф.И. Петров является письмо Е. Зайцевского В. Далю из Одессы 27 августа 1824 года с борта брандвахтенного корвета «Шагин-Гирей» (на него он специально перевелся ради общения с Пушкиным – А.З.): *«Разделяю с тобою горе, которое причинил нам Varoonis (простофиля, протак, увалень – с латинского – А.З.) Мистер - пожалуйста, одним пушечным выстрелом перебей ему ноги или свинцовым шариком приведи в вечное равновесие его голову с ногами - это будет первый поход нововербованного Артил-*

лериста». Как видим, здесь содержатся все указания, кроме имени Петрова – его нельзя было называть ни при каких обстоятельствах.

К сожалению, о Федоре Ивановиче Петрове имеется очень мало сведений. Удалось установить, что он родом из Килии, на 9 лет был старше В. Даля, с 1820 и по 1823 годы он служил почти неразлучно с ним, вместе ходили на охоту в Николаеве в Ракетную рощу и Лески, а также под Очаковым и Одессой. Не буду цитировать письма Скарабелли, Зайцевского, К. Даля, Н. Рогули, каждое из которых содержит восхищенное упоминание о Ф.И. Петрове, об охоте, его каламбурах и т.п. Судя по всему, он был довольно талантливым человеком и потому оказал влияние не только на В.И. Даля, но и на все его окружение. Главное, однако, что именно он, а ни кто другой, Даля сделал Далем. Приведу единственное письмо, которое мне удалось найти, и которое точнее и лучше всего характеризует его и частично отвечает на поставленный вопрос (грамматика сохранена, мною выделены места, имеющие отношения к теме):

«4 Марта 825 года Николаев.

Доброму, любезному, почтенному, милому проказнику Владимиру Далю, от Федора Петрова бывшего истребителя нырков, чаек, куликов, от – Петрова, который боится на земле 2-х вещей: пиявок и змей; который от раннего утра до позднего вечера прославляет Мёд и Сахар – (Еще не догадался?) от того самого, которому ты за 5 верст от Николаева во время оно сделал из новой шапки решето для просейки дрови... А! Теперь понимаешь. Так прими же от него на первой случай низенький поклон, с искренней благодарностью за то, что находясь в царстве Королей и Тузов – не забываешь и мелкой масти, над коей старшина есть... Д-а-м-а.

Не пеняй на меня, Любезнейший Владимир, что я тебе до сего времени ничего не писал. Я был в отпуску в Килии; а возлюбленный твой брат получил письмо уже на выезде моем; и как добрый хозяин – спрятал его так, что едва не осталось оно лежать до Страшного суда. Теперь оно лежит предо мною – а я в Карауле при пороховых погребах (вероятно, на Лагерном поле – А.З.). Комната теплая, свечей в запасе две; чернильница полная, и осмеливаюсь сказать – табакерка (подаренная Маменькою) сыплется через край. Ну как же не начинать нам с тобою разговора? – вижу, брат, ты морщишься и хочешь чихнуть – на здоровье! Теперь я тебя не боюсь. Лютый враг моих ноздрей от меня далеко! к тому же оно кажется теперь и без сердца...

Нет! Никогда не поеду я в Москву, в такой город где сердца гниют, пропадают. Если 19-го столетия Юсиф там пошатнулся; то что бы было со мною, т.е. 19-го столетия Припомь? — Ты по крайней мере выехал от туда с легким, печенкою и всем прибором сердца; но мне... прощай всё, что здесь сказано и всё; чего ещё не сказано – (Выехав из Николаева, В. И. Даль под Москвой попал в аварию, карета опрокинулась – А.З.)

Тебе хочется знать николаевские новости, сплетни и прочее. За это, брат, я не берусь по двум причинам: во первых новостей у нас интересных нет, а за сплетни... рука дрожит. Не новость то, что ваш бывший сосед, владелец неприступного замка, надел новый мундир с серебряными нашивками, с новым

титлом советника (здесь речь идет о полицмейстере П.И. Федорове, который делал обыск в доме Даля – А. З.) явился в дом ваш спросить: «что продаете? Петр Григорьевич прислал меня о сем узнать». Неважное дело и то, что он – для лучшего воспитания дочери своей (Федоров был женат на дочери капитан-командора Ф. К. Митькова, их дочери Александре, было всего два года – А.З.) – приподнял стену свою еще на один Аршин. Такие новости рассказывать нестанет и терпения. Да! Я упомянул слово о воспитании: Это дело важное, и я тебе его распространю. На вашем Аукционе (который так был щастлив, что Карл и за черепки брал деньги) – явился один Николаевский купец и на досуге сдделал предложение: «нет ли у вас русских книг? Хоть я сам их не буду читать, но нужно для воспитания дочерей – моих». Карл, желая услужить доброму отцу, тотчас кладет на стол 5 книг: 1-й о чуме, 2-я морская практика, 3-я поваренное искусство, 4-я и 5-я подобные им. Купец рад до безумия, давай торговаться, и выхваляя способность дочерей – высыпает деньги на стол. – Так брат, не шути теперь с нашими барышнями года через два бери их хоть в доктора, в Лейтенанты или в повора – на всё будут способны. Жаль, что не было тебя на сем Аукционе: тут Комедии были не хуже ваших Петербургских. Первую роль играл Г. Шляхин как доброй корабль нагруженный водкою, но который не слушается ни руля, ни парусов. Последний вопрос его был при конце продажи: а что я выиграл?

Такого вздору можнобы и много написать; но вздор всегда будет вздором. Ты знаешь сам, что Николаев не Париж; заморским новостям у нас всегда был контро-банк. Живем попрежнему тихо и никому не завидуем – всякий день играю с Карлом в шашки, проигрываю ему шаколад и никогдане покупаю. За это у нас хотя и часто бывает война; но как с Ассессором комиссии (той самой комиссии, которая судила Даля – А. З.) нельзя много спорить – то и мир тотчас же подписан. Когда Мороз бывает у них 16° тогда нам Кум Матвей (Врачко Матвей Иванович – Главный доктор Черноморского флота, заменивший отца Даля на этом посту, был холост, к нему переехал жить К. Даль, после отъезда матушки – А.З.) дает публичные концерты;– а публика, забудь, только были из 3-х человек. На Масленицу был у нас и балет; но угадаешь ли – кто танцевал? Напечатано было: в пользу нещастного, бедного симейства – и этот бедняк – Творогов (мичман Н.С. Творогов имел 2-х сыновей – А. З.). Русская пословица что – волка ноги кормят – сбылась и над ним. Полно городить чепуху: хочу спать. Если ты не ленив, и если остается у тебя несколько минут свободного времени, то забывай истинно любящего и почитающего тебя Федора Петрова.

Ясно, что Петров был достаточно остроязычным человеком, любил точное слово, был юмористом и каламбуристом. Впрочем, его шутка с пасквилом очень дорого стоила В. Далю, не говоря о чести, он потерял и любимую – о посещении дома Языковых после суда и говорить было нечего. Из Дела выяснилось, что еще 31 мая 1823 года Петров участвовал в допросе Даля, как Ассессор комиссии, по поводу им же написанного пасквиля, а далее исчез, очевидно, не смог более на это смотреть и попросился в отпуск домой, в Килию. Понятно, что ни при

каких обстоятельствах он не мог подписываться под приговором. Только этим и можно объяснить то, что его мнение по этому делу выразил тоже, артиллерист, очевидно, его друг, Карасев как особое мнение, чем собственно и объясняется этот беспрецедентный случай. Дальнейшая судьба Петрова и Карасева не известна, «Общий морской список» не учитывал артиллеристов.

Если попытаться подвести итог этой истории, то лучше, чем заметил В.И. Даль в «Солдатских досугах», в рассказе «Жизнь и здоровье», не скажешь: *«Душа меру знает, это правда; так давай же волю душе, а не давай воли похоти; похоть не душа, а плоть; плоти же верить нельзя, она меры не знает.»* Именно душа и спасла Даля в этой истории, а время его оправдало, как видим, его действительно пытались утопить в помойной яме. Время – все-таки справедливо, миг жизни может и не быть таким.

3. Пророческий рисунок Пушкина

Что же Пушкин мог знать о конфликте Грейга с Далем и от кого? Прежде всего от моряков и в первую очередь из окружения В. Даля. Муж А.П. Зонтаг плывал командиром на яхте «Утеха», из найденного в архиве послужного списка А.И. Казарского удалось уточнить, что вторую половину лета 1823 года он плывал в команде катера «Сокол» (в «Общем морском списке» – неточность). Выше отмечено, что К. Даль и Е. Зайцевский плывали на бриге «Мингрелия». Из шканечного журнала корвета «Шагин-Гирея», который стоял на военной брандвахте в Одесском порту в 1823 году, удалось выяснить состояние погоды, точные даты и даже часы прихода и ухода перчисленных выше кораблей после июля, т.е. с момента переезда поэта в Одессу. Чаше всех заходил катер «Сокол» с А.И. Казарским: с 2 по 4 и с 15 по 21 августа; с 28 августа по 10 сентября; с 16 по 17 сентября и с 28 октября по 1 ноября. Бриг «Мингрелия» с Зайцевским и К. Далем пробыл в Одессе с 15 по 24 сентября, яхта «Утеха» с 23 по 26 сентября и оба корабля вернулись в Николаев, причем, бриг вышел в Одессу из Николаева 13 сентября, т.е. Карл Даль и Ефим Зайцевский наверняка от того же Карасева уже знали какое решение подготовил суд Далю. 1 ноября снялся с якоря и ушел на зимовку в Николаев брандвахтенный корвет «Шагин-Гирей» под командой капитан-лейтенанта грека Григория Попандопуло, с которым Пушкин тоже был наверняка знаком. Сразу замечу, что прямых текстовых записей у Пушкина о встрече с А. Казарским, Е. Зайцевским и К. Далем не имеется. Оставалось обратиться только к рисункам, большая часть из которых остается либо совсем не разгаданными, либо разгадана неверно. Так вот, в одном из таких рисунков (лист 26-й, на обороте, так называемой первой масонской тетради Пушкина – см. обложку), включающего в себя пять профильных портретов с топором, над двумя из них, и рядом записанных заглавных латинских букв: **Q.S.F.D.Z.**, наверняка обозначающих начальные буквы фамилий изображенных здесь лиц,

занимающий место в рукописи поэта между расставленными им же датами Octobre 22, 1823 и 1 novembre я нашел ответ на поставленный вопрос.

Рисунок А. С. Пушкина составлен в Николаеве в конце октября 1823 г. Топор касаетсяверху А.И. Казарского, а внизу – К. И. Даля;

Здесь слева А.И. Казарский, а справа показан В.И. Даля, похожий на К.И. Даля.

Справедливости ради следует заметить, что уже существует публикация Л. Кроваль в журнале «Юность» (№6, 1984 г.) «Провидческий рисунок Пушкина», в которой предполагается, что здесь изображены декабристы, чем и вызвано появления топора над двумя из них, которые оказались казненными. Правда, в конце своей статьи Л. Кроваль написала: «А над загадкой этого пушкинского рисунка еще предстоит думать». Ну, что ж в одном только нельзя отказать Л. Кроваль, так это в превосходной интуиции – это, действительно, провидческий рисунок! И вот почему.

На мой взгляд здесь изображены портреты людей, с которыми в это время встречался Пушкин в Одессе и Николаеве, разговаривал и составил о них представление, если не как о бунтарях, то как о людях с мятежным духом. Кто же это такие? Вверху – *Quazarskiy* – лейтенант Александр Иванович Казарский, будущий герой Русско-Турецкой войны 1829 года (подвиг брига «Меркурий»), Пушкин упоминает его в переписке и который, по-видимому, был отравлен в Николаеве 16 июня 1833 года и у нас же похоронен возле церкви на старом кладбище. Портрет А. Казарского довольно неплохо отождествляется с рисунком Пушкина. Следует отметить, что с переездом Пушкина в Одессу, Казарский был первым, кроме Сильво, моряком, который чаще других появлялся в Одессе и поэтому имеется более ранняя зарисовка его портрета в рукописи поэта. *Sil'vo* – капитан 2-го ранга Федор Сильво, с 1798 года жил в Николаеве, а с 1820 года – комиссионер и командир военной гавани в Одессе, где пропал Пушкин, грек по происхождению, сорви-голова, говорят, что Пушкин даже дрался с ним на дуэли. Во всяком случае это его Пушкин вывел в повести «Выстрел» под именем Сильвио – поэт любил облагодзвучивать имена. Портрета Сильво не имеется. *Fournier* – Виктор Андрей Фурнье – француз, учитель в семье Раевских. Привлекался по делу декабристов и был освобожден. Несколько раз уже встречался с Пушкиным до этого. 14 октября 1823 года Пушкин писал П.А. Вяземскому из Одессы о получении через Фурнье его письма. Известный портрет его также прекрасно коррелирует с рисунком Пушкина, особенно бакенбарды и усы. Внизу – *Dahl* – мичман Карл Даль, о нем уже все сказано выше. Портрета его не имеется, но он прекрасно отождествляется с обеими известными портретами молодого В.И. Даля, черный ворот внизу принадлежность мичманской формы. *Zaytsevskiy* – мичман Ефим Петрович Зайцевский, николаевский поэт, тоже герой Русско-Турецкой войны 1829 года, отличился впоследствии при взятии Варны. Его имя также упоминает Пушкин в переписке, а Зайцевский прямо указал на это свидание в одном из своих стихотворений. Портретов Зайцевского найти не удалось. Следует обратить внимание еще на один портрет, который не вошел в реестр зашифрованный начальными буквами фамилий, но непосредственно примыкает к этой группе сверху. Это несомненно зарисовка мужа С.С. Потоцкой, П.Д. Кисилева, начальника штаба 2-й армии, который тоже в это время находился в Одессе после известной дуэли с Мордвиновым и помещен здесь поэтом неслучайно. Как известно, декабристы впоследствии прочили его в свое Правительство, т.е. интуитивно Пушкин в нем тоже выделил мятежный дух - это, во-первых. А во-вторых, поэт, узнав о

конфликте Грейга и В. Даля от Карла Даля и Зайцевского, возможно сравнивал двух высоких начальников – один вызвал подчиненного на дуэль и защитил свою честь и честь жены, а второй – устроил судилище. Провидческим этот рисунок можно назвать потому, что топор возмездия высшей власти над бунтарями коснулся лишь К. Даля и А. Казарского, преждевременно погибших в Николаеве. Рисуя топор над К. Далем, Пушкин предрекал, что с ним могут рассчитаться за его брата – так оно, по-видимому, и случилось. Остальные из всех лиц, нарисованных здесь, дожили свой век естественным образом.

4. Знакомство и встречи

В 1832 г. В.И. Даль публикует первые 5 своих сказок под псевдонимом Казака Луганского и, когда в конце этого года они встретились в Петербурге, Пушкин дарит Далю свою сказку «О рыбаке и рыбке» с надписью «Твоя от твоих! Сказочнику Казаку Луганскому – сказочник Александр Пушкин». 19 сентября 1833 г. Даль и Пушкин ездили из Оренбурга в Бердскую слободу, бывшую пугачевскую ставку (Даль с мая 1833г. служил в Оренбурге у В.А. Перовского). По дороге Пушкин рассказал Далю сказку «О Георгии Храбром и волке», Даль ее записал и издал ее еще при жизни поэта, а после его кончины сопроводил примечанием: «Сказка эта рассказана мне А. С. Пушкиным, когда он был в Оренбурге...». 20 сентября 1833 г. Пушкин покинул Оренбург, Даль провожал его до Уральска. Именно в это время Пушкин сделал зарисовку портрета В.И. Даля в той рукописи, которую брал с собой в поездку. А. Эфрос ошибочно определил его как портрет Н.В. Гоголя, но, сравнение этого рисунка с портретом неизвестного художника В.И. Даля 1830-х гг. (который развернут

Портрет В.И. Даля, 1830-е гг.

Рис. Пушкина Даля, сент. 1833 г.

зеркально для сравнения), в сочетании со временем его исполнения однозначно свидетельствует о том, что это портрет В.И. Даля. После отъезда Пушкина наверняка была переписка, но сохранились лишь отзвуки ее в архивных документах Даля, которые мне пришлось держать в руках. Это раешный стих, посвященный Пушкину, стихотворение «Не стыдно ль вам!» и другие статьи, которые Даль направлял в Пушкинский журнал.

Наконец, о последних встречах. За полтора месяца до дуэли Даль вместе с Перовским приехали из Оренбурга в Петербург по делам. Здесь раза 2 или 3 он встречался с Пушкиным. Даль вспоминал как за несколько дней до дуэли Пушкин пришел к нему и подарил ему новое слово для его словаря, указывая на свой только что сшитый спортух сказал ему: «Эту *вытолзину* я теперь не скоро скину». Напомню, что В.И. Даль, как и его отец, был врачом, чтобы рассказать о последнем свидании с поэтом, которому судьба уготовила отпустить душу Пушкина на волю, словами В.И. Даля, записанными в его статье «Смерть А.С. Пушкина»:

«28 января 1837 г., во втором часу по полудни встретил меня Башуцкий, едва я переступил порог его, роковым вопросом: «Слышали вы?» и на ответ мой: нет, – рассказал, что Пушкин накануне смертельно ранен. У Пушкина нашел я уже толпу в передней и в зале; страх ожидания пробегал по бледным лицам. Доктор Арендт и доктор Спасский пожимали плечами. Я подошел к болящему, он подал мне руку, улыбнулся и сказал: «плохо, брат!» Я приблизился к одру смерти и не отходил от него до конца страшных суток. В первый раз сказал он мне «ты», – я отвечал ему так же, и побратался с ним уже не для здешнего мира.

Пушкин заставил всех присутствующих сдружиться со смертью, так спокойно он ожидал ее, так твердо был уверен, что последний час его ударил. Плетнев говорил: «Глядя на Пушкина, я в первый раз не боюсь смерти». Больной положительно отвергал утешения наши, и на слова мои: «Все мы надеемся, не отчаивайся и ты!» отвечал: «Нет, мне здесь не житье; да, видно, уже так и надо...» В ночь на 29 он повторял несколько раз подобное; спрашивал, например, который час? И на ответ мой снова спрашивал отрывисто и с расстановкою, «долго-ли мне так мучаться? Пожалуйста поскорее.» Почти всю ночь держал он меня за руку, по часту просил ложечку холодной воды, кусочек льду и всегда при этом управлялся своеручно – брал стакан сам с ближней полки, тер себе виски льдом, сам снимал и накладывал себе на живот припарки, и всегда еще приговаривая: вот и хорошо и прекрасно! Собственно от боли страдал он, по словам его, не столько, как от чрезмерной тоски, что нужно приписать воспалению брюшной полости... Вообще был он, по крайней мере в обращении со мною, послушен и покладлив, как ребенок, делал все, о чем я его просил. «Кто у жены моей?» спросил он между прочим. Я отвечал: много людей принимают в тебе участие, – зала и передняя полны «Ну, спасибо, – отвечал он, – однако же, поди, скажи жене, что все слава Богу, легко; а то ей там, пожалуй, наговорят».

С утра пульс был крайне мал, слаб, част, но с полудня стал он подниматься, а к 6-му часу ударял 120 в минуту и стал полнее и тверже; в то же время начал показываться небольшой, общий жар. Вследствие полученных от доктора Арендта наставлений, приставили мы с доктором Спасским тотчас 25 пиявок и послали за Арендтом. Он

приехал, одобрил распоряжение наше. Больной наш твердою рукою сам ловил и припускал себе пивяки и неохотно допускал нас около себя копать. Пульс сделался ровнее, реже и гораздо мягче; я ухватился, как утопленник за соломинку и, обманув и себя и друзей, робким голосом возгласил надежду. Пушкин заметил, что я стал добрее, взял меня за руку и сказал: «Даль, скажи мне правду, скоро ли я умру» – Мы за тебя надеемся еще, право, надеемся!» – Он пожал мне руку и сказал: «Ну, спасибо». Но, по-видимому, он однажды только и обольстился моею надеждою; ни прежде, ни после этого он ей не верил; спрашивал нетерпеливо: а скоро ли конец, и прибавлял еще: пожалуйста поскорее!»... Когда тоска и боль его одолевали, он крепился усильно, и на слова мои: терпеть надо, любезный друг, делать нечего; но не стыдись боли своей: стонай, тебе будет легче, – отвечал отрывисто: «нет, не надо; жена услышит и смешно же это, чтобы этот вздор меня пересилил!» Он продолжал по-прежнему дышать часто и отрывисто; его тихий стон замолкал на время вовсе.

Пульс стал упадать и вскоре исчез вовсе, и руки начали стыть. Ударило два часа пополудни, 29 января, – и в Пушкине оставалось жизни только на три четверти часа. Бодрый дух все еще сохранял могущество свое; изредка только полудремота, забвенье на несколько секунд туманили мысли и душу. Тогда умирающий, несколько раз, подавал мне руку, сжимал и говорил: «Ну, подымай же меня, пойдем, да выше, выше, ну, пойдем». Опамятавшись, сказал он мне: «Мне было пригрезилось, что я с тобою лезу по этим книгам и полкам высоко – и голова закружилась». Раза два присматривался он пристально на меня и спрашивал: «Кто это, ты?» – Я, друг мой. – «Что это, продолжал он, – я не мог тебя узнать!» Немного погодя, он опять, не раскрывая глаз, стал искать мою руку и, потянув ее, сказал. «Ну, пойдем же, пожалуйста, да вместе». – Я подошел к В. А. Жуковскому и гр. Виельгорскому и сказал: отходит! Пушкин открыл глаза и попросил моченой морошки; когда ее принесли, то он сказал внятно: «Позовите жену, пусть она меня покормит.» – Наталья Николаевна опустила на колени у изголовья умирающего, поднесла ему ложечку, другую – и прикила лицом к челу мужа. Пушкин погладил ее по голове и сказал: «Ну, ничего, слава Богу, все хорошо».

Друзья, близкие молча окружили изголовье отходящего; я по просьбе его взял его подмышки и приподнял повыше. Он вдруг будто проснулся, быстро раскрыл глаза, лицо его прояснилось, и он сказал: «Кончена жизнь!» Я не дослушал и спросил тихо: что кончено? «Жизнь кончена», отвечал он внятно и положительно. «Тяжело дышать, давит» – были последние слова его. Все местное спокойствие разлилось по всему телу; руки остыли по самые плечи, пальцы на ногах, ступни и колени также; отрывистое, частое дыхание изменялось более и более в медленное, тихое, протяжное, еще один слабый, едва заметный вздох и пропасть необъятная, неизмеримая разделила живых от мертвого. Он скончался так тихо, что предстоящие не заметили смерти его...». На память о Пушкине достались Далю перстень-талисман и простреленная на дуэли выползина – черный сюртук с дырочкой против правого паха.

ИСТОЧНИКИ:

1. А.И.Золотухин, У истоков (Пушкин и начало литературной жизни Николаева), газета «Южная правда», 7 июня 1987 г.
2. А.Золотухін, Слово про знаменитого земляка, газета «Рад. Приб..»,15 гр.1991р.
3. А.Золотухин, Николаев мичмана Поцелуева, газ. «Южная правда», 26 нояб.1991г.
4. ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), Рабочая тетрадь Пушкина, ПД № 834
5. ЦГАЛИ, Ф.177, Оп.1, № 75
6. Полн. собр. сочин. Владимира Даля (Казака Луганского), т.2, 6, Спб., М.,1897
7. ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), Ф.179, Оп.1, №21
8. РГБ, Ф.473, Оп.1, № 1
9. М.А.Цявловский, Летопись жизни и творчества А.С.Пушкина, М., 1951
10. Общий морской список, Спб., 1893, ч.УП
11. Центральный Государственный Архив ВМФ, Ф.243, Оп.1, № 1580
12. Н.Лернер,Удаление В.И.Даля из Николаева,«Русская Старина»,т.107,№7,1901
13. Центральный Государственный Архив ВМФ, Ф.33, Оп.2, № 213
14. Центральный Государственный Архив ВМФ, Ф.8, Оп.1, № 92
15. Ф.Ф.Вигель, Записки, М., 1928
16. Journal d'Odessa, 1824
17. ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), Архив В.И.Даля, 27.392
18. ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), Архив В.И.Даля, 27.315
19. Государственный архив Николаевской области, Ф. 168, Оп.1, № 251
20. РГБ, Ф.473, Оп.1, № 1
21. ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), Архив В.И.Даля, 27.319
22. Центральный Государственный Архив ВМФ, Ф.406, Оп.2, № 181
23. ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), Архив В.И.Даля, 27.370
24. Центральный Государственный Архив ВМФ, Ф.406, Оп.2, № 180
25. Центральный Государственный Архив ВМФ, Ф.870, Оп.1, № 50988
26. А.С.Пушкин, Собр. Соч., в 10-ти томах, М., «Худ. лит.», 1977
27. Из писем К.Я.Булгакова брату, «Русский архив», М., 1902, № 3
28. ЦГВИА, Ф.14057, Оп.1, № 13
29. Центральный Государственный Архив ВМФ, Ф.243, Оп.1, № 1582
30. Пушкин, Библиотека великих писателей под редакцией С.А.Венгерова, Брокгауз-Эфрон, Спб., 1909, т.Ш
31. Центральный Государственный Архив ВМФ, Ф.243, Оп.1, № 1578
32. Рукописи Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее, «Русская Старина», июль 1884
33. А.И.Золотухин, Тайна поездки Пушкина «на саранчу», газета «Вечерний Николаев», 10, 14, 21 июня 1997
34. Русский биографический словарь, т.9, Спб., 1903
35. А.Золотухин, Николаевский знакомый Пушкина, в газ. «Южн. пр.», 26 июня, 1986